

О. Ю. Никонова

Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе

Праздничная коммеморация традиционно рассматривается историками как важнейший элемент формирующих идентичность практик и средство конструирования коллективного прошлого¹. В зоне советского влияния в послевоенной Европе годовщины Октябрьской революции стали частью юбилейного календаря, задачей которого было вытеснение традиционных праздников и укоренение новых ключевых дат в памяти современников². Сочетание насильственных методов советизации Центральной и Восточной Европы с применением «мягкой силы» отмечают и российские, и зарубежные исследователи, рассматривая культурное воздействие как один из инструментов легитимации советской гегемонии³.

Основы праздничной коммеморации Октября в советском блоке были заложены в 1947 г. Юбилей революции стали одним из способов интеграции жителей Центральной и Восточной Европы в новую систему властных отношений, в которой Советский Союз и местные партийно-государственные институты играли главную роль. Если говорить о странах Центральной и Восточной Европы, то там праздники стали одним из ритуалов советизации, благодаря которому в зоне влияния СССР зарождалась советская действительность⁴.

Никонова Ольга Юрьевна
д-р ист. наук, доц.,
Южно-Уральский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Обращение к технологиям празднования первого послевоенного юбилея Октябрьской социалистической революции в странах Центральной и Восточной Европы в 1947 г. позволит ответить на следующие вопросы: как мифы об Октябрьской революции легитимировали советскую идеологическую и политическую экспансию; насколько дифференцированным был образ Октября в зависимости от страны-реципиента; в чем заключалась культурно-историческая специфика советизации общественно-политической жизни стран народной демократии. Источниковая база данной статьи — делопроизводственные материалы и переписка Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (далее — ВОКС) по поводу организации празднования 30-летия социалистической революции за рубежом.

Метаморфозы октябрьской мифологии в период позднего сталинизма. Благодаря системе агитпропа и праздничной культуре⁵ события Октября 1917 г. превратились в политический миф-основание⁶ — власти уже в довоенном Советском Союзе. Политическое руководство страны, начиная с 20-летнего юбилея Октября, рассматривало годовщину революции не только как праздник, но и как важнейшую политическую кампанию⁷. Октябрьская мифология была довольно гибким идеологическим конструктом, который его создатели адаптировали под текущие политические потребности и задачи как внутри страны, так и за ее пределами. В связи с этим вряд ли можно полностью согласиться с Г. А. Бордюговым, который охарактеризовал 30-летие революции как «римейк» ее 20-летнего юбилея⁸. 30-й Октябрь стал скорее переходным юбилеем, к моменту проведения которого еще не совсем была понятна композиция мемориальных посланий, их иерархия с учетом различных целевых групп. Вероятно, поэтому октябрьская мифология образца 1947 г. оказалась не свободна от противоречий, обусловленных быстро менявшейся внешнеполитической ситуацией и вызовами, с которыми столкнулся сталинский режим после окончания войны.

При реконструкции мемориальных практик первого юбилея революции необходимо учитывать базовое положение *memory studies*: инструментализированные воспоминания о прошлом обслуживают потребности современного общества⁹. Задачи послевоенного урегулирования, расширения и закрепления советского влияния в Центральной и Восточной Европе, а также стабилизации положения сталинского режима внутри страны требовали от политического руководства СССР оперативной конвертации победы в войне в символический капитал на длительный период. В соответствии с этим концепция Октября образца 1947 г. совмещала идеи ключевой роли Советского государства в победе над нацизмом, превосходства социалистического общества над капиталистическим, превращения СССР в оплот мира и демократии с необходимостью борьбы с низкопоклонством перед Западом. Доклад В. М. Молотова и «Призывы ЦК ВКП (б) к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁰ акцентировали роль Советского государства как главного борца против «поджигателей новой войны». Октябрьская революция интерпретировалась как важнейшая веха мировой истории, точка отсчета триумфального шествия социализма по миру.

Анализ внутривластного контекста первых послевоенных юбилеев, а также их идеологической подготовки и содержательного наполнения, проведенный А. Л. Махныревым, показывает, что метанарративом праздничной культуры 1940-х гг. была концепция державности. Символична, например, произошедшая под влиянием Сталина рокировка двух юбилеев 1947 г. — 800-летия Москвы и 30-летия Октября. Столичный юбилей по воле вождя оказался на первом плане, именно на нем были сосредоточены все мысли и организационные усилия партийно-государственного аппарата¹¹.

Для внутренней аудитории, в частности для советской интеллигенции, приоритет 800-летия Москвы означал прежде всего продолжение политики укрепления патриотического дискурса, окрашенного русскими национальными сентенциями.

Для зарубежной аудитории позднесталинская державность обретала иные толкования, входя в содержательный конфликт с романтическим восприятием революционной России частью демократически настроенных кругов Центральной и Восточной Европы, порожденным победой Советского Союза в войне, а также с идеей панславизма. Как отмечает Б. Абрамс, такие настроения были характерны, например, для чешских социалистов¹². Председатель общеславянского комитета и общества чехословацко-советской дружбы, министр культуры правительства Чехословакии Зденек Неedly подчеркивал, что чехи живут в эпоху, «которая началась с Октябрьской революции. Это означало конец второстепенного статуса славян, зачастую искусственно поддерживавшегося... В будущем этого просто не будет. Славянский мир... осознает свой исторический путь и значение»¹³. С учетом подобных настроений конструирование символической связи трех побед в речи Молотова к 30-летней годовщине революционных событий — победы большевиков в Октябрьской революции, СССР в войне с фашизмом и будущей победы социализма над капитализмом — оказалось потенциальной идеологической платформой для сотрудничества с симпатизантами Советского государства. Однако ни апология революции, ни панславизм в 1947 г. уже не были актуальны для Сталина и его ближайшего окружения. Вероятно, поэтому официальные советские тексты, подготовленные к юбилею, лишились революционной эмпазы, гармонировавшей с настроениями левых интеллектуалов Центральной и Восточной Европы. Праздничные ритуалы маргинализировали память о революционных событиях как таковых и историко-революционную тематику. В дневниках сотрудников ВОКС за 1947 г., где они фиксировали свои беседы с представителями зарубежных обществ дружбы, творческой интеллигенции и дипломатами, приезжавшими в СССР, нередко встречается характерное для праздничной риторики замещение: говоря об Октябре, они опускали слово «революция» и называли юбилей 30-й годовщиной Советского государства¹⁴. Кроме того, за рубежом этот праздник нередко сливался с мероприятиями, посвященными 800-летию Москвы, что также размывало идею чествования революции.

Для стран народной демократии тезис о превосходстве советского пути к светлому будущему обернулся усилением принудительной советизации в год юбилея. После того как СССР отказался участвовать в плане Маршалла

и закрыл американским долларам доступ в свою зону влияния, судьба национальных вариантов социализма была решена¹⁵. По мнению Я. Берендса, весьма болезненным для восточноевропейских интеллектуалов оказался идеологический разворот от панславизма к идее дружбы народов, который ознаменовал переход от сотрудничества с воодушевленными национальными идеями восточноевропейскими элитами к технологиям массовой мобилизации советского образца¹⁶. Таким образом, если внутри страны сталинское руководство поощряло национал-патриотические настроения, то в странах Восточной Европы оно взяло курс на дезавуирование националистической идеологии и выдавливание с политической арены любых сил, защищавших идею демократии или социализма с национальным лицом.

Октябрь за рубежом. Документы ВОКС позволяют реконструировать первые, еще не совсем уверенные действия советской стороны в проекте меморизации Октябрьской революции в странах Центральной и Восточной Европы. Именно общество культурных связей с заграницей координировало практические шаги по организации праздничных мероприятий за пределами СССР. Общая концепция определялась задачами ВОКС на 1947 г. — борьбой против буржуазной идеологии и «антисоветской пропаганды английской и американской реакции», пропагандой преимуществ и достижений советского строя, роли советской армии и народа в победе над фашизмом, усилий СССР в борьбе за мир¹⁷.

Иностранная аудитория приобщалась к коммеморативным ритуалам во время юбилейных празднований в Москве и на специальных мероприятиях за рубежом, которые представляют особый интерес с точки зрения изучения советской культурной дипломатии как примера работы в инокультурной среде. Формы и технологии организации праздничных мероприятий к юбилею революции были калькой советской традиции, формировавшейся с 1918 г. В СССР вопросами подготовки и проведения полностью ведали партийно-государственные инстанции. Подобный институциональный механизм был реализован в Восточной Германии — там празднование юбилея проходило под руководством Социалистической единой партии Германии (далее — СЕПГ) и отдела пропаганды Советской военной администрации в Германии (далее — СВАГ). В странах народной демократии, где советизация политических режимов еще не завершилась, подготовительная работа сосредоточилась в руках общественных организаций и советских представительств разного уровня (эмиссаров ВОКС, дипломатических миссий, политорганов контингента советских войск). Занятые внутривнутриполитической борьбой, коммунистические партии стран Центральной и Восточной Европы не всегда и не везде были активными организаторами и актерами празднеств. Так, представитель ВОКС в Венгрии Смирнов, подводя итоги юбилея, мимоходом пожаловался на венгерскую компартию, которая, с его точки зрения, переложила всю организационную работу на плечи советской миссии и венгерского общества культурной связи с Советским Союзом¹⁸.

Планы юбилейных мероприятий разрабатывались «друзьями СССР» и представительствами ВОКС заранее и представлялись на согласование

в общество. На основе анализа переписки можно говорить о типичном наборе праздничных акций для стран народной демократии: издание трудов классиков марксизма и советских авторов по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, работ Сталина, книг, посвященных жизни в СССР; показы советских художественных и документальных фильмов, постановки театральные пьес советских драматургов; открытие стационарных и передвижных фотовыставок об СССР; проведение лекций, докладов и литературно-музыкальных вечеров с участием национальной и советской научной и творческой интеллигенции. Как правило, размах юбилейных торжеств и их ориентация на советскую официальную праздничную концепцию зависели от нескольких факторов: от положения целевого государства в пространстве послевоенного урегулирования и его взаимоотношений с СССР, от степени самостоятельности национальной политической элиты. Последний фактор был тесно связан с довоенным статусом страны, уровнем ее социально-политического и экономического развития. Важную роль играли внутривосточное положение обществ дружбы / культурных связей с Советским Союзом, отношения между лидерами стран.

Наиболее распространенным видом праздничных мероприятий в странах народной демократии были выставки и доклады. Фотовыставку «30 лет страны социализма» ВОКС подготовил специально для юбилейных турне по Европе в связи с 800-летием Москвы и 30-летием Октября. Исходная фотоподборка «По советской стране» включала в себя визуальный ряд, демонстрировавший образы советской действительности — от захватывающих дух пейзажей различных географических и природно-климатических зон СССР до свободного и радостного труда на хлопковых полях и в лабораториях, примеров технических достижений, таких как ледокол «Северный полюс» или гидроэлектростанция «Кадырья» в Узбекистане, образцов советской архитектуры в столицах союзных республик, кадров театральные спектаклей и фотографий рядовых жителей советской страны¹⁹. В полном объеме выставка демонстрировалась, как правило, в столицах и крупных городах центрально- и восточноевропейских стран. Для небольших городов и сельской местности предназначались передвижные фотовыставки, смонтированные из фрагментов экспозиционного материала. Например, по Албании отправились в путешествие 140 таких выставок²⁰.

Иногда в стандартный набор юбилейных мероприятий, предлагавшийся советской стороной, местные «друзья СССР» включали свои акции. Как правило, они определялись профессиональными интересами советских симпатизантов. Так, общество культурного сотрудничества Югославии с СССР совместно с Союзом обществ инженеров и техников этой страны организовало выставку, посвященную архитектуре советских народов. К ней югославские архитекторы Бранко Максимович, Бранислав Конч, Братислав Стоянович, Джурадж Бошкович приурочили доклады об архитектуре русской деревни и архитектурных традициях русского средневековья, о советской архитектуре и «Сталинском плане реконструкции Москвы»²¹. Оба выставочных проекта, и советский, и югославский, оказались популярными: их увидели 40 тыс. чел.

Весьма распространенной формой юбилейных мероприятий были доклады и лекции. В Белграде лекторами стали известные общественные и культурные деятели Сербии. Писатель, член Сербской академии наук Иво Андрич познакомил слушателей с культурной жизнью в СССР, председатель Президиума Народной скупщины Сербии д-р Синиша Станкович выступил с докладом «Тридцать лет советской власти», профессор Академии художеств Сретен Стоянович рассказал о советском изобразительном искусстве, а писатель и искусствовед Отто Бихали — о культурных достижениях Октябрьской революции²². Отчитываясь перед ВОКС, югославское общество культурного сотрудничества с СССР утверждало, что союзная и республиканские организации провели около тысячи докладов и сотню торжественных собраний, охватили праздничными мероприятиями десятки тысяч человек²³. В Болгарии докладчики черпали вдохновение из воксовских брошюр «О советском патриотизме», «Владимир Ильич Ленин», «Сельский совет — орган советской власти на селе» и «Женщина в Советском Союзе»²⁴.

Еще одной формой празднований, которая впоследствии превратилась в неотъемлемый ритуал октябрьских дней в Центральной и Восточной Европе, стала символическая коммуникация между СССР, олицетворенным в фигурах Сталина, его партийно-государственных деятелей, рядовых рабочих и колхозников, и странами народной демократии²⁵. Поздравительные телеграммы и письма по поводу 30-летнего юбилея Октябрьской революции направили в СССР жители Албании, Болгарии, Польши и Чехословакии. В список чехословацких адресантов вошли Законодательное национальное собрание, школы разных чехословацких городов, местные комитеты Коммунистической партии Чехословакии и рядовые граждане государств. По решению ВОКС 959 приветственных адресов товарищу Сталину, советскому правительству и советскому народу от народа Чехословакии были переданы в Музей революции²⁶. Жители Албании, «празднуя с песнями и танцами» 30-й Октябрь, направляли «горячие приветы» генералиссимусу Сталину и героическому советскому народу целыми деревнями, селами, районами и подпрефектурами²⁷. Тексты большинства телеграмм принимались коллективно и транслировали ключевые положения официального советского дискурса, упоминая СССР как главного защитника мира и угнетенных народов. Одновременно албанцы славили в поздравлениях революцию и обещали брать пример с советского народа в деле социалистического строительства. В Восточной Германии символическую связь с СССР олицетворял, помимо традиционных посланий, поздравительный адрес партийного комитета СЕПГ, подписанный В. Пиком и О. Гротеволем, главнокомандующему группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующему СВАГ генералу В. Д. Соколовскому. Адрес был опубликован в праздничном выпуске газеты «Нойес Дойчланд»²⁸.

Представляется интересным вопрос, насколько советская праздничная культура, перенесенная на восточноевропейскую почву, воспринималась как чужеродная и адаптировалась под влиянием местных традиций, в первую очередь национальных празднований. В большинстве рассмотренных стран народной демократии протокольная часть торжеств, к которой можно от-

нести прежде всего информационную составляющую — доклады и выставку «30 лет страны социализма», — сопровождалась культурными акциями: музыкально-литературными вечерами, концертами, театральными постановками, выставками советских художников, кинопоказами. В Варшаве по случаю юбилея организовали фестиваль советских кинофильмов и демонстрацию хроникально-документальных лент о жизни в СССР и Польше²⁹. В Белграде проходили концерты советской музыки, на предприятиях — литературные вечера с чтением стихов Владимира Маяковского, Душана Костича и Танасия Младеневича³⁰. В Загребе общество культурного сотрудничества Хорватии с СССР организовало выставку картин советских художников А. М. Герасимова и С. В. Герасимова, А. А. Дейнеки, А. А. Пластова, в различных городах Боснии и Герцеговины торжества сопровождалась концертами вокальной и симфонической музыки³¹. В Венгрии юбилейные доклады на предприятиях завершались демонстрацией советских кинофильмов, среди которых преобладали художественные фильмы историко-революционной и военной тематики («Ленин в 1918 году», «Выборгская сторона», «Сыновья», «Сын полка», «Непокоренные», «Клятва»), а также документальные ленты («Парад физкультурников» и «Парад красоты»)³². Специально для венгров к юбилею сделали демонстрационную копию фильма «Сильва», снятого Свердловской киностудией в 1944 г.

С одной стороны, культурная составляющая торжеств вполне отвечала советскому праздничному канону, в котором юбилей Октября был одновременно политической акцией и всенародным празднеством. Эстетическая составляющая выполняла важные дидактические и политические задачи, была частью «символьной политики»³³. С другой — стремление «друзей СССР» выйти за пределы формата «политической информации» может свидетельствовать и о попытке встроить новый праздник в традиционную культуру, в первую очередь политическую культуру рабочего и социал-демократического движения в крупных городах, доказавшую свою эффективность в качестве интегрирующей силы³⁴. В этом аспекте празднование юбилея вполне укладывается в концепцию культурной дипломатии, ориентированной на поиск культурных сопряжений между народами.

Многоликий Октябрь: от « štaфетного марша» до факельного шествия. В год 30-летия Октября в большинстве стран народной демократии унифицированные праздничные ритуалы еще не сложились. На территории Польши, политическая элита которой к 1947 г. находилась в зависимом положении от сталинского руководства, фактически одобренном союзниками, проведением праздничных мероприятий занималось общество польско-советской дружбы. Оно было основано в 1944 г. в Люблине и к юбилею уже занимало прочные позиции в политической жизни страны как центр притяжения симпатизантов СССР и проводник советской линии³⁵. Активисты общества посвятили 30-летию Советского государства (а не революции!) месячник польско-советской дружбы³⁶. На период с 15 сентября по 15 октября 1947 г. было запланировано множество мероприятий, отличавшихся, по мнению генерального секретаря общества С. Вронского, от всех предыдущих «пропагандных импрез». Руководство общества рассчитывало, что при их регулярном повторении со

временем возникнет «желанная вследствие психики поляков традиция в отношении углубления польско-советской дружбы»³⁷.

Наибольший интерес в плане юбилейных торжеств в Польше представляет та его часть, которая отличала задумку поляков от проектов всех остальных «друзей СССР», а именно мемориальные мероприятия, посвященные событиям Второй мировой войны. Годовщину революции предполагалось ознаменовать мотоциклетным рейдом в честь четырехлетия битвы под Ленино (12 октября 1943 г.) 1-й польской пехотной дивизии. Эта битва неоднозначно оценивается сегодня и в российской, и в польской историографии³⁸. Польская дивизия им. Т. Костюшко понесла в битве тяжелые потери. В планах «друзей СССР» она стала событием, в котором «польская армия, созданная на территории Советского Союза, прошла свое боевое крещение и в содружестве с советской армией прошла незабываемый героический путь до Берлина»³⁹. Планировались также молодежный байдарочный поход по рекам Одеру и Ниссе⁴⁰ (Нейсе) и « štaфетный марш » бегунов, велосипедистов и мотоциклистов по промышленным районам Польши (Лодзь, угольные и металлургические районы «Великопольши», Домбровско-Краковский бассейн в Верхней Силезии). Все акции должны были символизировать признательность поляков за позицию СССР в вопросе о западной границе Польши. Маршрут «штафетного марша»⁴¹ повторял линию наступления Красной армии и был призван напомнить гражданам страны о том, что «благодаря гениальному и весьма благожелательному для Польши руководству Генералиссимуса Сталина... блестящие операции Советской армии не дали гитлеровской армии достаточного времени для разрушения» промышленных территорий. Составители плана отметили, что быстрое наступление Красной армии, обеспечившее польскому народу «хозяйственный расцвет и благосостояние», остается «недостаточно осознанным фактом»⁴².

Специфика венгерской ситуации определялась несколькими факторами внутри- и внешнеполитического характера. Если просоветская политика польских друзей СССР хотя бы частично могла быть оправдана в глазах населения решением вопроса о западной границе Польши, то венгерским симпатизантам Советского Союза приходилось выслушивать упреки по поводу Трансильвании, отданной румынам при одобрении советской стороны. Кроме того, венгерские коммунисты вплоть до 1949 г. старательно позиционировали себя как партию, выражавшую национальные интересы страны, что помогало им в политической борьбе с демократическими партиями⁴³. Поэтому праздники, связанные с борьбой венгров за свободу в 1848 г., были гораздо более выгодными с точки зрения формирования символического капитала. Даже социалистические праздники, такие как Первомай, окрашивались национальным венгерским колоритом. Подобную трансформацию, по утверждению М. Мевюса, пережил и октябрьский юбилей: хотя в праздничной риторике 7 ноября уже в 1946 г. получило характеристику «наиболее важной даты в истории человечества», национальная тема на юбилее выдвинулась на первый план. СССР в праздничной риторике представлял как «страна 1917 года», освободившая венгров от 400-летнего рабства⁴⁴.

Празднование 30-летия Октябрьской революции в Венгрии можно рассматривать как пример компромиссного решения местных политических элит, балансировавших между двумя властными полюсами послевоенного мира — США с западноевропейскими союзниками и Советским Союзом. Венгерские «друзья СССР» постарались смягчить политический смысл празднования, сделав акцент на русской и советской культуре. Несмотря на то что это не полностью отвечало пожеланиям советской стороны, первый секретарь советского посольства в Венгрии и одновременно уполномоченный ВОКС Смирнов в отчете за 1947 г. сообщал, что празднества «знаменательных дней Советского Союза» прошли в Венгрии «особенно с большим успехом». Об этом свидетельствовало, по его мнению, высокое представительство на открытие выставки «30 лет страны Советов» в Будапеште: на него прибыли президент Венгрии Золтан Тилди (в документе — Золтан Тильди), премьер-министр Лайош Диньеш, его заместитель Арпад Сакашич, министры Дьюла Ортути (в документе — Дьюла Ортутаи), Эрик Мольнар, Эрне Михайфи, бургомистр Будапешта Йожеф Богнар и другие члены правительства, деятели политических партий и представители общественных организаций. Признаками успеха, считал Смирнов, были также массовость (выставку посетили почти 50 тыс. чел.), широкое и позитивное освещение в венгерской прессе⁴⁵.

Внутриполитическая ситуация в Румынии во многом напоминала венгерскую. Румынская политическая элита, озабоченная, помимо внутрипартийной борьбы, трансильванской проблемой, присутствием советских войск и репарациями, так же дружно, как и венгерская, сделала официальный жест вежливости в сторону СССР. В комитет по подготовке 30-летнего юбилея социалистической революции, созданный АРЛУС (Румынским обществом дружественных связей с Советским Союзом), вошли премьер-министр Петро Гроза, генеральный секретарь ЦК РКП Георгиу Деж, член Президиума Румынии Михай Садовяну. Особенностью румынской ситуации было неожиданное ослабление АРЛУСа накануне юбилея — по разным причинам из жизни ушли несколько видных представителей румынской интеллигенции, отличавшихся русофильской и просоветской позицией. Поэтому «друзья СССР» в Румынии обратились в ВОКС с просьбой о поддержке праздничных мероприятий советским культурным «десантом», особенно такими выдающимися деятелями, как скрипач Д. Ойстрах и дирижер Е. Мравинский. На все подобные просьбы ВОКС отвечал отказом, аргументируя его тем, что советская творческая интеллигенция в дни юбилея должна присутствовать на родине. Однако для воздействия на румынское население средствами культуры было решено использовать технические возможности и организовать радиотрансляции концертов советских исполнителей. По согласованию с В. М. Молотовым в Румынию направили делегацию ВОКС, в состав которой вошли президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров, заместитель председателя комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР В. М. Кусаков, заместитель директора института хирургии Академии медицинских наук СССР Б. В. Петровский, поэтесса В. М. Инбер, профессор МГУ Н. К. Гудзий, пианистка Н. П. Емельянова⁴⁶.

Факельные шествия, плакаты и лозунги можно было наблюдать на праздновании юбилея Октября в Албании. В этой небольшой балканской стране, бывшей королевством до оккупации ее Италией в ходе Второй мировой войны, в 1945 г. пришли к власти коммунисты под руководством Энвера Ходжи. Албанский лидер в июле 1947 г. во главе первой официальной делегации посетил Москву и встретился со Сталиным. Это событие, как признавался Ходжа позднее⁴⁷, произвело на него неизгладимое впечатление и окончательно превратило его в ортодоксального сталинца. Все советское, в том числе праздничные традиции и ритуалы, стало в Албании образцом для подражания. Отчет Общества культурной связи Албании с СССР о праздновании 30-летия Октября наглядно подтверждает этот факт. Для организации и проведения торжеств в каждой префектуре были созданы специальные комиссии, а в столице страны Тиране — центральная комиссия во главе с Нано Натанаили, генеральным секретарем общества. В празднованиях принял участие весь цвет военно-политической и дипломатической элиты: члены правительства генерал-лейтенант Кочи Дзодзе, Панди Кристо, Нако Спиру, представители организаций Демократического фронта, генералы и офицеры национальной армии, болгарский посланник Станкулов и секретарь болгарской миссии Немиров, поверенный в делах Народной республики Югославии Драго Кошмрль, представители советской миссии в Албании.

Особенность местного варианта юбилейных празднований состояла в организации производственного соревнования, которым «албанский народ» «по примеру рабочих и крестьян Советского Союза» решил отметить годовщину революции⁴⁸. Рабочие Кучовского нефтепромысла объявили ударный месячник, взяли обязательства перевыполнить план по добыче нефти и, как сообщал уполномоченный ВОКС в Албании М. Качалов, вдохновили своим примером всю страну. Вслед за ними в ходе 10 «штурмовых дней» стали ударниками строители железной дороги Дураццо — Эльбасан. В письме к Энверу Ходже рабочие писали: «Выполнение нашего обязательства раньше срока... доказывает большую любовь, которую питает наш народ и наша молодежь к Советскому Союзу и к Великому Сталину»⁴⁹. Юбилей Октября по-албански представляет собой очень ранний ориентированный на советский канон образец меморизации революции, который будет характерным для стран восточного блока вплоть до его распада.

Еще один интересный вариант зарубежного юбилея Октября представляет Восточная Германия. Непростая политическая ситуация в советской оккупационной зоне и глухое сопротивление населения заставили отдел культуры управления пропаганды СВАГ обратить особое внимание на беспроектные методы культурного воздействия — кино и театр. К 30-летней годовщине революции были приурочены театральные премьеры и фестиваль советского художественного кинофильма. Немецкие зрители увидели фильмы «Сыновья», «Юность Максима», «Профессор Мамлок», «Последняя ночь» и др. В отчетах старшего референта по кино отдела культуры управления пропаганды СВАГ Коневалова фестиваль стал историей успеха — в таких городах, как Галле и Берлин, советские фильмы посмотрели более 50 тыс. чел. Положительные

отзывы напечатали не только просоветские газеты, но и издания, имевшие американскую или английскую лицензии. В Берлинской государственной опере состоялась премьера «Пиковой дамы» Чайковского, вызвавшая восторженные отклики даже враждебно настроенной «буржуазной» прессы, а Дом культуры Советского Союза в Берлине предложил публике раскритикованную «реакционными» и одобренную «прогрессивными» изданиями пьесу Б. Лавренева «Разлом»⁵⁰.

Заключение. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции — интересный пример праздника-перевертыша. В Советском Союзе он оказался «вторичным» торжеством, уступившим пальму первенства 800-летию Москвы, а в зоне советского влияния приобрел другое значение. В странах Центральной и Восточной Европы юбилейные празднования 1947 г. можно рассматривать как важную веху в истории советизации стран народной демократии. Эти торжества оказались одной из первых попыток советской стороны перенести на восточноевропейскую почву ритуалы политической лояльности к СССР в широких масштабах. Готовность добровольных и вынужденных восточноевропейских партнеров СССР следовать советским шаблонам в условиях переломного с политической точки зрения 1947 г. была дополнительным маркером управляемости политических элит в Центральной и Восточной Европе. Таким образом, празднование 30-летия Октября, даже с учетом всех провалов и дефицитов при подготовке, подтверждает тезис о том, что политическое руководство СССР понимало значимость культурного фактора в процессах легитимации советского режима на европейском пространстве. Смешанный характер идеологического содержания праздника и праздничных ритуалов, комбинирование в странах народной демократии образцов советского официального дискурса и ритуальных праздничных практик с фрагментами национальных традиций подтверждают, что 1947-й был переходным годом в процессе советизации. Сохранение значительных пространств свободы при проведении праздничных мероприятий указывает и на специфику культурной дипломатии, активным агентом которой стала творческая интеллигенция, среди которой нередко были убежденные сторонники и симпатизанты советской страны. Это придавало 30-летию Октября в отдельных странах легкий национальный колорит. Вместе с тем самые последовательные в реализации советских образцов праздничной коммеморации страны, какими оказались в 1947 г. Польша или Албания, являются наиболее ранними послевоенными примерами формирования советской действительности на восточноевропейской почве. Некоторые ритуалы, апробированные в 1947 г., впоследствии утвердились в качестве устойчивых элементов праздничной культуры в странах восточного блока — например, празднование Дня польской армии 12 октября, которое продолжалось в Польше вплоть до 1992 г., учреждение мемориального кладбища советских воинов в Варшаве в 1950 г., ночные шествия 7 ноября. Фундамент этих традиций закладывался в том числе в дни празднования 30-летия Октября.

- ¹ См., напр.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. С. 15.
- ² См. об этом: *Эпплбаум Э.* Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956). М., 2015. С. 450.
- ³ См., напр.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг. М., 1993; *Borhi L.* Hungary in the Cold War 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union. Budapest; New York, 2004. P. 202–203; *Behrends J. C.* Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR (Zeithistorische Studien, Band 32). Köln; Weimar; Wien, 2006; *Babiracki P.* Soviet soft power in Poland: culture and the making of Stalin's new empire, 1943–1957. The University of North Carolina Press, 2015.
- ⁴ *Рольф М.* Советские массовые праздники. С. 12.
- ⁵ См. об этом: Там же. С. 69–75; *Von Geldern J.* Bolshevik festivals, 1917–1920. University of California Press, 1993; *Эникер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.
- ⁶ См. подробнее об особенностях политической мифологии: *Bizeul Y.* Politische Mythen // Politische Mythen im 19. und 20. Jahrhundert in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. H. Hein-Kircher, H. Henning Hahn. Marburg, 2006. S. 3–14.
- ⁷ *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: celebrations in the time of Stalin. Indiana University Press, 2000. P. 149–150.
- ⁸ *Бордюгов Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 57.
- ⁹ См., напр.: *Welzer H.* Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte als Arena der Politik // Osteuropa. 2005. No. 4–6. S. 9–19 (на рус. яз.: *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html> (дата обращения: 24.11.2018)).
- ¹⁰ *Молотов В. М.* Тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции: доклад на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1947 г. М., 1947. С. 5–32; Призывы ЦК ВКП (б) к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1947. 2 нояб.
- ¹¹ О причинах спешки при формулировке концепции октябрьского юбилея см. подробнее: *Махнырев А. Л.* Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 43–44, 86–87.
- ¹² *Abrams B. F.* The Struggle for the Soul of the Nation. Czech Culture and the Rise of Communism. Rowman and Littlefield Publishers, 2004. P. 161.
- ¹³ Цит. по: *Ibid.* P. 164. — Впрочем, анализ работ восточноевропейских авторов говорит об опасности обобщений. Так, П. Бабираки считает, что ситуация с сочувственным отношением к идеям социализма альянса коммунистических, социалистических и демократических сил была в большей степени характерна для Чехословакии и Венгрии, в то время как в Польшу социализм принесла советская пропаганда, подкрепленная войсковыми частями (*Babiracki P.* Soviet soft power in Poland). Особый случай представляли собой и государства Юго-Восточной Европы — Югославия и Албания, где новые политические режимы формировались при беспорном лидерстве коммунистов под руководством И. Броз Тито и лидера Коммунистической партии Албании Э. Ходжи (*Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? С. 13–18).
- ¹⁴ Например, в беседе А. В. Караганова с Ольшанским от 6 августа 1947 г. (Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 22. Д. 19. Л. 4–12).
- ¹⁵ Впрочем, с точки зрения Л. Гибианского, мысли о принудительной советизации Восточной Европы посетили Сталина гораздо раньше (*Гибианский Л. Я.* Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / отв. ред. Б. В. Носов. М., 2000. С. 381–411).
- ¹⁶ *Behrends J. C.* Vom Panslavismus zum “Friedenskampf”. Aussenpolitik, Herrschaftslegitimation und Massenmobilisierung im sowjetischen Nachkriegsimperium (1944–1953) // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas (JbfgO). 2008. No. 56. P. 39–40.

- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 20. Л. 4–6.
- ¹⁸ Там же. Д. 71. Л. 7–8, 80–82, 89–108.
- ¹⁹ Там же. Оп. 17. Д. 439. Л. 15–28.
- ²⁰ Там же. Оп. 20. Д. 19. Л. 185.
- ²¹ Там же. Оп. 17. Д. 541. Л. 36–37.
- ²² Там же. Д. 541. Л. 35–40.
- ²³ Там же. Д. 541. Л. 38–40.
- ²⁴ Там же. Д. 3. Л. 10–11.
- ²⁵ Ян Берендс анализирует этот феномен на наиболее ярком его примере — телеграммах и подарках граждан Польши к юбилею Сталина в 1949 г.: *Behrends J. C. Die erfundene Freundschaft. S. 192–193.*
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 449.
- ²⁷ Там же. Д. 12. Л. 3–30.
- ²⁸ *Neues Deutschland. 1947. 7. November. No. 261. S. 1.*
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 239. Л. 1–5.
- ³⁰ Возможно, правильное написание имени политкомиссара одного из партизанских отрядов югославской освободительной армии — Танасий Младенович.
- ³¹ Там же. Д. 541. Л. 37–39.
- ³² Там же. Оп. 22. Д. 71. Л. 7–8, 80–82, 89–108.
- ³³ См. об этом: *Рольф М. Советские массовые праздники. С. 22.*
- ³⁴ См. об этом: *Stadt und Oeffentlichkeit in Ostmitteleuropa 1900–1939: Beitrage zur Entstehung moderner Urbanitaet zwischen Berlin / Hrsg. A. R. Hoffmann, A. V. Verndland. Charkiv; Tallinn; Triest; Stuttgart, 2002.*
- ³⁵ *Behrends J. C. Die erfundene Freundschaft. S. 102–105.*
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 19. Л. 84–85.
- ³⁷ Там же. Оп. 17. Д. 239. Л. 1–5.
- ³⁸ См., напр.: *Матерский В. Военное время. 1941–1945 // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Малыгин, М. М. Наринский. М., 2017. С. 377–378.*
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 239. Л. 3.
- ⁴⁰ Так в тексте.
- ⁴¹ В нем должны были принять участие 5 тыс. чел., стартовать предполагалось у бывшего предместного укрепления у Сандомира.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 239. Л. 4.
- ⁴³ *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Народная демократия: миф или реальность? С. 184–198.*
- ⁴⁴ *Mevius M. Agents of Moscow. The Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism 1941–1953. Oxford, 2005. P. 194–197.*
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 71. Л. 7–8, 80–82, 89–108.
- ⁴⁶ Там же. Д. 47. Л. 8–11, 119–124 об.
- ⁴⁷ *Ходжа Э. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1984. С. 55–82.*
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 9. Л. 45.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 16. Д. 134. Л. 69–71, 89–91, 107–113.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2018 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Никонова О. Ю. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе // *Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 743–757.*
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.313>
 УДК 94(470. 55) «1945–1989»

Аннотация: В период холодной войны супердержавы использовали свои идеологии как символический капитал в борьбе за новые сферы влияния: США — лозунги свободы и демократических ценностей, СССР — идеи социализма. Одним из ключевых посланий советской культурной дипломатии в послевоенном мире была концепция Октябрьской революции, обозначавшей начало эпохи борьбы за справедливый социалистический строй. Наиболее интенсивно идеи Октября артикулировались и подвергались реинтерпретации в юбилейные дни. Юбилей Октябрьской революции 1947 г. стал первым опытом по советизации стран Центральной и Восточной Европы в культурно-идеологической сфере. На примере празднования 30-летия революции в статье показаны механизмы и способы внедрения советских праздничных концептов и ритуалов. Юбилейные торжества рассматриваются как часть коммеморативных практик, нацеленных на формирование «социалистической» идентичности в странах Центральной и Восточной Европы, их интеграцию в советское культурное и политическое пространство. Сделан вывод о первом юбилее Октябрьской революции за рубежом как о переходном празднике с нечеткими идеологическими посланиями с советской стороны и различными вариантами адаптации навязываемых ритуалов в восточноевропейских обществах. Конкретные примеры позволяют реконструировать общую модель праздника и специфику ее функционирования в различных государствах. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции представляет собой интересный пример праздника-перевертыша. В Советском Союзе он оказался «вторичным» торжеством, уступившим пальму первенства 800-летию Москвы, а в зоне советского влияния приобрел другое значение. В странах Центральной и Восточной Европы юбилейные празднования 1947 г. можно рассматривать как важную веху в истории советизации стран народной демократии.

Ключевые слова: холодная война, советская культурная дипломатия, Октябрьская революция, юбилей, 1947, советизация, Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16-18-10213 «Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны (1949–1989)».

Сведения об авторе: Никонова О. Ю. — д-р ист. наук, доц., Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия); olga-nikonova@yandex.ru

Южно-Уральский государственный университет, Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76

FOR CITATION

Nikonova O. Yu. 'Celebrating the First Post-War Anniversary of the October Revolution in Central and Eastern Europe', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 743–757.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.313>

Abstract: During the Cold War, the superpowers used their ideologies as symbolic capital in the struggle for new spheres of influence. The United States emphasized slogans of freedom and democratic values, and the USSR propagated ideas of socialism. One of the key "messages" exploited by Soviet cultural diplomacy in the post-war world was the image of the October Revolution as a benchmark for the struggle for a just socialist system. The ideas of Great October were most intensively vocalized and reinterpreted during round-number anniversaries. In 1947, officially celebrated for the first time not only in the Soviet Union, the thirtieth anniversary of the October Revolution had witnessed the initial efforts of the USSR to sovietize Central and Eastern European countries' cultures and ideologies. By exploring this case, the article surveys the mechanisms and ways the Soviet festive activities and rituals were implanted and adjusted to foreign surroundings. Jubilee celebrations are taken here as part of commemorative practices aimed at developing a "socialist" identity in Central and Eastern Europe and their further integration into the Soviet cultural and political space of influence. Reconstructing the general mode of the holiday and the specifics of its functioning in different countries, the article concludes that, in many respects, the first "common" commemoration of the October Revolution abroad represented a "transitional" stage where Soviet ideological messages were relatively fuzzy and imposed rituals had to be variably adjusted to Eastern European social environments.

Keywords: Cold War, Soviet cultural diplomacy, October Revolution, Anniversary, 1947, Sovietization, All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries.

This research was supported by Russian Science Foundation, project No. 16-18-10213 "Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War (1949–1989)".

Author: Nikonova O. Yu. — Dr. Sci. in History, Associate Professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia); olga-nikonova@yandex.ru

South Ural State University, 76, pr. Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia

References:

- Abrams B. F. *The Struggle for the Soul of the Nation. Czech Culture and the Rise of Communism* (Lanham, 2004).
- Applebaum A. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956*, Rus. ed. (Moscow, 2015). (In Russian)
- Babiracki P. *Soviet soft power in Poland: culture and the making of Stalin's new empire, 1943–1957* (Chapel Hill, 2015).
- Behrends J. C. 'Vom Panslavismus zum "Friedenskampf". Aussenpolitik, Herrschaftslegitimation und Massenmobilisierung im sowjetischen Nachkriegsimperium (1944–1953)', *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas (JbGO)*, no. 56, 2008.
- Behrends J. C. *Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR (Zeithistorische Studien, Band 32)* (Köln — Weimar — Wien, 2006).
- Bizeul Y. 'Politische Mythen', *Politische Mythen im 19. und 20. Jahrhundert in Mittel- und Osteuropa*, Hrsg. H. Hein-Kircher, H. Henning Hahn. (Marburg, 2006).
- Bordiugov G. A. *October. Stalin. Victory. Cult of anniversaries in the memory* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Borhi L. *Hungary in the Cold War 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union* (Budapest — New York, 2004).
- Ennker B. *Formirovanie kulta Lenina v Sovetskom Soiuze* (Moscow, 2011).
- Gibianskiy L. Ya. 'Kremlin and the creation of the Eastern bloc in Eastern Europe. Some problems of research and interpretation on new documents', *Slavianskie narody: obshchnost istorii i kultury. K 70-letii chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Vladimira Konstantinovicha Volkova*, ed. by B. V. Nosov (Moscow, 2000). (In Russian)
- Makhnyrev A. L. *The role and place of historical anniversaries in the social and political life in USSR* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2015). (In Russian)
- Materskiy V. 'War time. 1941–1945', *Belye piatna — chernye piatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh*, eds A. V. Torkunov, A. D. Rotfeld, A. V. Malygin, M. M. Narinskiy (Moscow, 2017). (In Russian)
- Mevius M. *Agents of Moscow. The Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism 1941–1953* (Oxford, 2005).
- Petrone K. *Life has become more joyous, comrades: celebrations in the time of Stalin* (Bloomington, 2000).
- Rolf M. *Das Sowjetische Massengest*, Rus. ed. (Moscow, 2009). (In Russian)
- 'Stadt und Oeffentlichkeit in Ostmitteleuropa 1900–1939: Beitrage zur Entstehung moderner Urbanitaet zwischen Berlin', *Berlin, Charkiv, Tallinn und Triest*, Hrsg. A. R. Hoffmann, A. V. Verndland (Stuttgart, 2002).
- Volokitina T. V., Murashko G. P., Noskova A. F. *People's Democracy: myth or reality? Socio-political processes in Eastern Europe in 1944–1948* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Von Geldern J. *Bolshevik festivals, 1917–1920* (Berkeley, 1993).
- Welzer H. 'Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte als Arena der Politik', *Osteuropa*, no. 4–6, 2005.
- Welzer H. 'History, memory and the present of the past', *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2–3 (40–41), 2005. (In Russian)

Received: November 24, 2018

Accepted: May 16, 2019